

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Яхутль Ю. А. Продовольственная политика большевиков на Кубани и Черноморье : к вопросу о конфликте РКП(б) с сельским населением в начале 1920-х годов / Ю. А. Яхутль, М. С. Диривянкина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 510—527. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-510-527.

Yakhutl, Y. A., Dirivyankina, M. S. (2025). Bolshevik Food Policy in Kuban and Black Sea Region: Examining Conflict between RCP(b) and Rural Population in Early 1920s. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 510-527. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-510-527. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Продовольственная политика большевиков на Кубани и Черноморье: к вопросу о конфликте РКП(б) с сельским населением в начале 1920-х годов

Яхутль Юрий Асланбиевич

orcid.org/0000-0002-6750-4110

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России
a075ca@yandex.ru

Диривянкина Мария Сергеевна

orcid.org/0000-0003-3014-8199

преподаватель кафедры истории России,
корреспондирующий автор
dirivyankina@mail.ru

Кубанский

государственный университет
(Краснодар, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Кубанского научного фонда и за счет
гранта Российского научного фонда
в рамках проекта № 24-18-20096
«Исторические закономерности развития
городов, станиц и сел Краснодарского края
в конце XVIII — начале XXI веков»

Bolshevik Food Policy in Kuban and Black Sea Region: Examining Conflict between RCP(b) and Rural Population in Early 1920s

Yuri A. Yakhutl

orcid.org/0000-0002-6750-4110

Doctor of History, Associate Professor,
Professor, Department of Russian History
a075ca@yandex.ru

Mariya S. Dirivyankina

orcid.org/0000-0003-3014-8199

Lecturer, Department of Russian History,
corresponding author
dirivyankina@mail.ru

Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Kuban Scientific Foundation
and Russian Science Foundation,
project number 24-18-20096
“Historical patterns of development
of cities, villages and stanitsas
of Krasnodar region
in the late 18th - early 21st centuries”

© Яхутль Ю. А., Диривянкина М. С., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется содержание продовольственной политики большевиков на Кубани и Черноморье в переходный период от военного коммунизма к новой экономической политике в начале 1920-х годов. При написании статьи применялись историко-генетический, ретроспективный методы и коммуникативный подход. Привлечены различные виды письменных источников, материалы партийных и советских органов власти. Отмечается, что переход к новым средствам сбора продовольствия и формирования новых земельных отношений в казачьем регионе приобретал затяжной характер. Показано, что активное использование в практике большевиков военно-коммунистических методов руководства способствовало росту сопротивления со стороны сельского населения. Авторы утверждают, что вооружённое противостояние сельского населения налоговой политике усиливало репрессивные меры со стороны РКП(б). Подчёркивается, что отсутствие политического согласия в регионе с преобладающим товарным хозяйством требовало поиска компромисса. Выявлено, что он был достигнут за счёт военного доминирования советской власти. Установлено, что земельный вопрос на этом этапе взаимодействия большевиков и сельского населения не имел приоритетного значения и уступал продовольственному вопросу. Авторы приходят к заключению, что к 1924 году, когда окончательно разрешился военный конфликт, была предпринята очередная попытка установить диалог между властью и сельским населением с учётом экономических интересов последнего.

Ключевые слова:

большевики; военный коммунизм; новая экономическая политика; Кубань; сельское население; казаки; крестьяне.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the content of the Bolshevik food policy in Kuban and the Black Sea region during the transitional period from War Communism to the New Economic Policy in the early 1920s. Employing historical-genetic, retrospective methods, and a communicative approach, the article draws on various written sources, including materials from party and Soviet authorities. It is noted that the shift to new methods of food procurement and the establishment of new land relations in the Cossack region took on a protracted character. The active implementation of military-communist leadership methods by the Bolsheviks contributed to an increase in resistance from the rural population. The authors argue that the armed opposition of the rural populace to tax policies intensified repressive measures from the RCP(b) (Russian Communist Party (Bolsheviks)). The absence of political consensus in the region, characterized by a predominance of commodity-based agriculture, necessitated the search for a compromise. It is revealed that such a compromise was achieved through the military dominance of Soviet power. The study establishes that, at this stage of interaction between the Bolsheviks and the rural population, the land issue was not of primary importance and was secondary to the food question. The authors conclude that by 1924, when the military conflict had finally been resolved, another attempt was made to establish dialogue between the authorities and the rural population, taking into account their economic interests.

Key words:

Bolsheviks; War Communism; New Economic Policy; Kuban; rural population; Cossacks; peasants.

УДК 94(47).084.3+338.43(470.62)“1921/1924”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-510-527

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Продовольственная политика большевиков на Кубани и Черноморье: к вопросу о конфликте РКП(б) с сельским населением в начале 1920-х годов

© Яхутль Ю. А., Диривянкина М. С., 2025

1. Введение = Introduction

Взаимоотношение власти и сельского населения в России в переходный период от военного коммунизма к новой экономической политике остаётся актуальной темой. Содержание аграрной политики большевиков предопределяло историческую судьбу советской власти. Доколхозная российская деревня отличалась многообразием аграрных отношений, сложившихся в предшествующий период. К таким регионам относилась Кубано-Черноморская область, которая отличалась сословным и национальным составом населения, высоким уровнем развития товарного хозяйства, активным применением наёмного труда в сельском хозяйстве, условиями землепользования, организацией регионального и местного самоуправления. Исследуемая тема в современных условиях приобретает теоретическую и практическую значимость в контексте поиска новых методов и средств разрешения социально-политических конфликтов.

Тема нашла отражение в многочисленных исследованиях советских и российских крестьяноведов. В 1920—1930-х годах вышли первые публикации на общероссийском и региональном уровне [Большаков, 1924; Кактынь, 1924; Клейнер, 1924; Чермак, 1923], в которых предпринимались попытки оценить результаты аграрной политики большевиков. В период с 1930-х годов по первую половину 1950-х годов научный интерес советских историков к новой экономической политике и её составляющим был значительно меньше [Бабурин, 1957; Генкина, 1954; Гладков, 1956; Попова, 1950]. Исследователи рассматривали нэп как временное явление, отступление, обусловленное экономическим кризисом начала 1920-х годов. Возрождение интереса к нэпу, в том числе к аграрной политике большевиков, намечилось с середины 1950-х и продолжалось до середины 1980-х годов. Исследователи обращаются к новым рассекреченным источникам, расширяют тематику исследований, но придерживаются устоявшихся выводов и оценок нэпа [Давыдов, 1971; Дмитренко,

1986; Перехов, 1971; Поляков, 1961; Проблемы ..., 1971; От капитализма ..., 1981; Трифионов, 1960].

Постсоветский период в изучении нэпа характеризуется многообразием методологических подходов. Современные российские исследователи вводят в научный оборот новые архивные материалы [Баранов и др., 2022; Ильиных, 2010; Крестьянство ..., 2017; Рогалина, 2001]. Судьба нэпа, по мнению современных исследователей, зависела от результатов политической борьбы за власть в РКП (б). Реализация аграрной политики и в целом нэпа имела региональные особенности, поэтому наблюдается устойчивый интерес к её проявлению с учётом местных особенностей. Переходный период в казачьих регионах Юга России представлен современными историками как противостояние казачества и РКП (б). Вместе с тем появляются работы, в которых тема трактуется шире, как противостояние сельского населения и власти [Яхутль, 2021].

В постсоветской историографии сложилось несколько направлений в изучении нэпа: проблема влияния идеологии на экономику, либерализация народного хозяйства, альтернативы нэпу и др. Несмотря на значительное количество опубликованных научных работ, в рамках этой широкой темы сохраняется ряд вопросов, требующих применения новых методологических подходов и дальнейших исследований. Следует обратить внимание на роль местных партийных структур и кадров в формировании региональной политики, модели компромисса между властью и обществом и на взаимовлияние политики военного коммунизма и новых принципов хозяйствования. В целом современная российская историография нэпа отличается своей многовекторностью, плюрализмом мнений, что является несомненным достижением.

Зарубежная историография также обращалась к теме нэпа, аграрной политики, политической борьбы в РКП(б) [Грациози, 2008; Дэвис, 1994]. Несмотря на это, региональные проблемы оказались вне научных интересов зарубежных исследователей.

Новизну работы составляет акцент на исследовании взаимодействия власти и сельского населения Кубано-Черноморской области, а также взаимовлияния методов военного коммунизма и нэпа.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Цель статьи — оценить содержание продовольственной политики большевиков на Кубани и Черноморье в переходный период от военного коммунизма к новой экономической политике в начале 1920-х годов. В ходе исследования использовались неопубликованные архивные документы центральных и региональных архивов: Российского государственного архива

социально-политической истории (далее — РГАСПИ), Краснодарского края (далее — ЦДНИКК) и Государственного архива Краснодарского края (далее — ГАКК). Авторы в ходе исследования обращались к опубликованным источникам [Советская деревня ..., 1998; Яхутль, 2022; Яхутль, 2023] и воспоминаниям непосредственных участников событий [Микоян, 1975].

Использованы историко-генетический, ретроспективный методы и коммуникативный подход. С помощью историко-генетического метода изучен процесс зарождения новых аграрных отношений в кубанской станице, формирования продовольственной политики большевиков в переходный период. Ретроспективный в сочетании с историко-генетическим методом обеспечил выявление причинно-следственных связей при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике и формированию новой модели взаимоотношения РКП(б) с сельским населением региона. Коммуникативный подход позволил изучить, как складывались новые формы взаимодействия между большевиками и сельским населением Кубано-Черноморской области в условиях острого военно-политического противостояния.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сельское население Кубано-Черноморской области в условиях военного коммунизма (март 1920 года — март 1921 года): особенности и закономерности

Первое десятилетие Советской власти отличалось большим количеством реформ и экспериментов в различных областях, в том числе в аграрной сфере, которые ставили своей целью выход из военно-политического и экономического кризиса, охватившего страну в 1917—1920 годах. Правящая партия вынуждена была учесть требования сельского населения, пытаясь создать экономическую основу для установления политического диалога, способного стабилизировать общественно-политическую обстановку и, главное, сохранить под контролем политическую власть. Принятые в 1921—1922 годах законодательные акты об экономических отношениях деревни и государства, положившие начало переходу к новой экономической политике, отвечали крестьянским требованиям и открывали пути для восстановления сельского хозяйства. Но последствия войн и засуха 1921 года, породившие голод, исключали возможность спокойного выхода из кризиса.

В марте 1920 года на Кубани и Черноморье повторно была восстановлена власть большевиков. Остатки белой армии эвакуировались с Черноморского побережья.

Большая часть населения региона жила в сельской местности и была занята производством сельскохозяйственной продукции. Ведущее место

занимали казачьи хозяйства. Из 8 834 324 дес. земли Кубанской области 6 млн дес. находились в их пользовании. Иногородные из-за дефицита земли вели своё хозяйство на арендованной земле. Это вело к росту экономической зависимости сельского населения от зажиточной части казачества [Скобцов, 2015, с. 21—22]. Регион в целом отличался высоким уровнем товарности индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств. В 1911—1916 годах средняя площадь посева составляла 3 220 000 дес. [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 153, л. 71 об.]. Средний ежегодный сбор хлебов в довоенное время выражался в 217 млн пуд., более половины из которых составляла пшеница. Следующими по объёмам сбора шли в порядке убывания: ячмень, картофель, овёс, рожь, кукуруза, просо, фасоль и гречиха. Семян подсолнечника в год собирали более 12 млн пуд. [ГАКК, Ф. Р-990, оп. 2, д. 549, л. 64]. По размерам производства озимой пшеницы (58—108 млн пудов) на Кубань приходилось 16 % всего общероссийского сбора. Рост урожая способствовал увеличению товарно-зерновых продуктов, о чем свидетельствовали показатели сбора зерна на душу населения. К началу Первой мировой войны Кубань вышла по данным показателям на первое место в России: в среднем 60—70 пуд. чистого сбора зерна на человека, что позволяло увеличивать поставки товарного хлеба как внутри страны, так и за ее пределами [Ратушняк, 2015, с. 35, 37, 39]. На этом основании большевики имели возможность утверждать, что на Кубани имеются излишки хлеба. Поэтому на I Всероссийском съезде трудового казачества лидер большевиков призывал сдавать государству излишки продовольствия [Ленин, 1977, с. 186—187]. В свою очередь советская власть не вносила кардинальных изменений в казачье землепользование. Декрет ВЦИК и СНК от 18 ноября 1920 года «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» сохранил за сельским населением их наделы, а также регламентировал наделение землёй местных безземельных и малоземельных за счет территорий бывшего нетрудового пользования [О землепользовании ..., 1983, с. 234—236]. Таким образом, в 1920—1922 годах землеустроительные работы были связаны с решением проблемы недостаточного количества земель, но не их передела внутри станиц: в Кубано-Черноморской области в пользовании станиц осталось 97,9 % прежних объёмов земли [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 49, л. 2]. В свою очередь, Первая мировая и Гражданская войны оказали существенное негативное влияние на состояние индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств. В 1920—1921 годах посевная площадь сократилась до 1 611 929 дес. [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 153, л. 71 об.], урожай хлебов составил 75 млн пуд. [ГАКК, Ф. Р-990, оп. 2, д. 549, л. 64]. В начале 1920-х годов в сельской местности проживало 83,1 % населения. При росте сельского населения посевные площади

снизились по сравнению с 1916 годом на 37,6 %, поголовье рабочего скота сократилось на 23,1 %, лошадей — на 22,4 % [Щетнёв, 1980, с. 44].

Весной 1920 года Кубано-Черноморская областная партийная организация активно разрабатывала региональную аграрную политику. Первостепенное значение отводилось сбору продовольствия. С весны 1920 года по весну 1921 года он характеризовался активным использованием методов военного коммунизма и «твёрдым административным нажимом» [Яхутль, 2023, с. 245]. С целью «максимального содействия гражданским органам» активно привлекались воинские подразделения. [ГАКК, Ф. Р-132, оп. 1, д. 1, л. 20].

Особенностью этого периода стало враждебное отношение казаков и иногородних к большевикам, за исключением бедняков и сельскохозяйственных рабочих, которых насчитывалось около 14 тыс. человек [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 355, л. 29]. Поэтому большевики стали использовать не сословные противоречия кубанской станицы, а социально-имущественные. Классовый подход в ходе решения продовольственного вопроса формировал новый очаг противостояния в кубанской станице. Большевики не делали больших различий между зажиточными хозяйствами иногородних и казаков, что расширяло социальную базу повстанческого движения региона.

На Кубани необходимо было обозначить контуры взаимоотношения с сельским населением, в том числе и казачеством. Для сохранения политической стабильности в регионе, на который надеялись большевики как на источник продовольствия, проводилась постепенная трансформация партийной линии. Коммунисты пытались перейти к сотрудничеству, но идеологические принципы РКП (б) продолжали оказывать влияние на её содержание. На фоне повстанческого движения, где сельское население играло главенствующую роль, большевики продолжали использовать военно-коммунистические методы, в которых доминировали политический контроль, принуждение и максимальное регламентирование деятельности местного социума.

Идеология военного коммунизма стала формулой для политического диалога между региональной властью и сельским населением. Большевики с этой целью предприняли попытку учредить на Кубани комитеты бедноты и ревкомы как формы местного самоуправления [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 239, л. 13]. От чрезвычайных органов власти отказались на основании решения Кавказского бюро ЦК РКП(б) от 22 февраля 1921 года.

Весной 1920 года из числа бывших офицеров белой армии и недовольной решениями большевиков части сельского населения формируются повстанческие отряды. Уже 30 марта Исполнительный комитет Славянского отдела в связи с ростом бело-зелёных отрядов предложил взять заложников [Яхутль, 2022, с. 121]. С учреждением ревкомов в станицах Тифлис-

ской, Казанской, Кавказской, Тихорецкой, Новопокровской, Темижбекской объявлялось взятие в заложники мужчин старше 18 лет.

С середины мая 1920 года на Кубани становилось тревожно, росло число донесений об активизации антисоветских сил [Советская деревня ..., 1998, с. 276]. В отчётах звучали имена руководителей повстанческих отрядов: генерала М. А. Фостикова, полковника П. А. Савицкого, Сухенко, есаула В. Ф. Рябоконя и др. [ЦДНИКК, ф. 17, оп. 1, д. 20, л. 17]. Летом 1920 года бело-зелёные усилились на фоне продовольственной политикой большевиков, реализуемой военно-коммунистическими методами.

Продразвёрстка, как составляющая военного коммунизма, стала источником военно-политического конфликта между большевиками и сельским населением региона. Она породила государственный террор. В приказе особо уполномоченного Революционного Военного Совета Кавказского фронта Г. А. Атарбекова он приобрёл правовую форму [ГАКК, Ф. Р-158, оп. 1, д. 15, л. 5]. Так, в августе 1920 года Военный Совет IX армии приговорил к высшей мере 20 человек из-за антисоветской позиции и отказа сдавать хлеб [ГАКК, Ф. Р-158, оп. 1, д. 32, л. 26].

Практика террора нашла свое продолжение на региональном уровне. Она приобретала региональные особенности по мере нарастания продовольственного кризиса и появления лозунгов повстанцев с явно выраженным антисоветским содержанием. Восторг от новой власти сменился вооружённым сопротивлением сельского населения [РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 96, л. 136].

Продовольственная диктатура большевиков на рубеже 1920—1921 годов для многих станиц и сёл Кубани и Черноморского побережья означала военную и экономическую блокаду. Население вынуждено было уходить к бело-зелёным, чтобы избежать насилия со стороны советской власти. Большевики ответили красным террором на отказ сдавать хлеб, и, как следствие, росло сопротивление населения. Специальные отряды ЧОН (части особого назначения), 65 продовольственных отрядов (и более 12 тыс. красноармейцев) активно использовали практику взятия заложников, проводили выездные заседания военных трибуналов, которые выносили решения в течение нескольких часов. В некоторых случаях тех, кто активно сопротивлялся или отказывался добровольно сдавать хлеб, расстреливали. Продовольственная политика, хлебная монополия, реализованная методами политики военного коммунизма, стала одним из главных причин нарастания повстанческого движения в регионе.

3.2. От продовольственной диктатуры к продналогу: 1921—1922 годы

Продовольственная диктатура, сложившаяся в годы Гражданской войны, продолжала демонстрировать свою экономическую несостоятель-

ность и организационную беспорядочность. Поэтому в марте 1921 года на X съезде большевики под давлением роста повстанческого движения и необходимости возрождения хозяйственной деятельности сельского населения предложили новую концепцию продовольственной политики, которая существенно не отличалась от предыдущей. В её основе была плановая реквизиционная практика, когда система заготовок продовольствия «развёрстывалась» от губернии до индивидуального казачье-крестьянского хозяйства на основании фиксированных цен, установленных государством. Следовательно, сельское население Советской России, в том числе Кубано-Черноморской области, не могло заметить тонких граней различий между продразвёрсткой и продналогом и продолжало борьбу за свои экономические права.

На региональном уровне вопрос о реализации продналоговой политики рассматривали на VI Кубано-Черноморской областной партийной конференции 24 марта 1921 года [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 293, л. 102]. Дискуссии в областной партийной организации по вопросу сбора продовольствия свидетельствовали об отсутствии единства в понимании новой аграрной политики. Сельское население региона не ощутило преимуществ новой продовольственной политики и ответило на неё усилением военного сопротивления. Весной 1921 года на территории региона, за исключением Черноморья, действовало 50 повстанческих отрядов общей численностью до 2—3 тыс. чел. [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 138, л. 24, 34—37].

Отсутствие законодательной базы новой продовольственной политики, кадров, способных её реализовать, продолжало расширять конфликт между советской властью и сельским населением региона. Кроме того, система продовольственных органов окончательно ещё не сформировалась и находилась в хаотичном состоянии. Сбор продовольствия напоминал очередной фронт большевиков. Местные партийные органы осуществляли «мобилизацию» ответственных работников [ЦДНИКК, ф. 160, оп. 1 доп., д. 19, л. 1] для выполнения «боевой задачи» [ГАКК, Ф. Р-990, оп. 2, д. 171, л. 1] — проведения работы на «продовольственном фронте» [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 244, л. 168].

Продналог в 1921—1922 годах, когда продолжалось активное сопротивление сельского населения, выступал в большей мере как политический лозунг. Продовольственная диктатура оставалась приоритетной и приемлемой политикой для большевиков. На местах советские и партийные кадры продолжали использовать методы военного коммунизма. В постановлении Кубано-Черноморского облисполкома № 260 от 17 сентября 1921 года указывалось, что выполнение продналога является не только долгом, но и повинностью, предписывалось в отношении всех «нерадивых

и не аккуратных» в его выполнении неуклонно принимать репрессивные меры, установленные соответствующими декретами Совнаркома [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 606, л. 150]. На местах продолжали практиковать тотальные реквизиции, аресты с преданием неплательщиков налога суду Ревтрибунала [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 244, л. 140], конфискацию имущества, что вынуждало крестьян сводить к минимуму посевы или отказываться от сельскохозяйственной деятельности [ГАКК, Ф. Р-581, оп. 1, д. 71, л. 33]. Очередной рост повстанческого движения на Кубани вынудил органы власти прибегнуть к крайним мерам. В районах, находящихся под контролем бело-зелёных, отменялись итоги выборов в советы и возрождались ревкомы. Еще весной 1920 года в некоторых отделах региона состоялись выборы в советы без руководства со стороны РКП (б) [ГАКК, Ф. Р-649, оп. 1, д. 10, л. 1], однако результаты выборов не устроили большевистское руководство области, в связи с чем последовал роспуск избранных органов управления [ГАКК, Ф. Р-158, оп. 1, д. 3, л. 47 об.]. В регионе наряду с воссозданием ревкомов наблюдалось стремление к расширению их полномочий: получению права использовать вооружённую силу для «большого авторитета и введению твёрдого порядка» в отношении тех населённых пунктов, жители которых противятся распоряжениям ревкомов [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 173, л. 1, 14, 22]. Рецидивы политики военного коммунизма стали составной частью политической повседневности Кубани и Черноморья.

Органы советской власти Кубано-Черноморской области в сложившихся условиях решили, что переход к чрезвычайным средствам поможет решить проблему и обеспечит необходимый сбор продовольствия. Чрезвычайные полномочия получили продовольственные органы. Это позволило объявлять «врагом народа» или советской власти тех, кто не заявлял о наличии продовольствия или отказывался добровольно вносить продналог. Кубано-Черноморская чрезвычайная комиссия, фиксируя политическую ситуацию, сложившуюся в регионе, отмечала, что население не видело различий между продналогом и продразверсткой. Казаки и крестьяне были настроены крайне враждебно, зачастую вступая в столкновения с продовольственными органами [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 32, л. 263].

В соответствии с декретом ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 года «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» это грозило 10-ю годами тюремного заключения [О предоставлении ..., 1918, с. 203—206]. «Врагом» объявлялся зажиточный казак или крестьянин. Таким образом, продовольственная политика на Кубани ориентировалась на централизацию заготовок и подавление протеста казачье-крестьянского населения. В условиях, когда в регионе наблюдался

острый продовольственный кризис, большевики продолжили единственно известным им методом силового воздействия конфисковать хлеб.

В регионе постепенно сформировалась продовольственная диктатура как система чрезвычайных органов по насильственному изъятию продовольствия. Экономические чрезвычайные меры обеспечивали монополию государства на хлеб. Отношение населения изменялось в ту или иную сторону, главным образом, в зависимости от экономической политики.

Идеологически и организационно фрагментированное повстанческое движение использовало политизацию в качестве объединяющего фактора для различных антисоветских сил. Так, в своих обращениях к красноармейцам повстанцы отмечали, что они выступают «за истинное народоправство, за истинную свободу личности без подвалов и чрезвычайок, за землю для всех трудящихся на ней без всяких выкупов у помещиков и капиталистов, за восьми часовый рабочий день, за всеобщее бесплатное и обязательное народное образование» [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 32, л. 168]. Осенью 1922 года боеспособные части бело-зелёных потерпели поражение от РККА. Часть участников повстанческого движения вынуждены были согласиться на добровольную сдачу оружия и явку с повинной в местные органы власти. Всех явившихся брали на учет и контроль, имущественную и личную ответственность за них несли ближайшие родственники. Встречались случаи незаконных арестов и заключения под стражу амнистированных повстанцев, что тормозило ликвидацию бело-зеленого движения: некоторые, опасаясь за свое будущее, возвращались в отряды [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 431, л. 2]. Утверждение, что в 1922 году в регионе завершилась активная фаза сопротивления сельского населения, было связано именно с подавлением открытого сопротивления сельского населения [Микоян, 1975, с. 211].

Правительство Советской России в режиме активной законодательной инициативы принимало законы, обеспечивавшие выполнение задач по сбору продовольствия. Они находили продолжение на региональном уровне. Например, Кубано-Черноморский областной исполком 3 февраля 1922 года принял постановление № 59, согласно которому все хлеборобы, получившие хотя бы средний размер урожая, должны были выделить возможное количество посевного материала для неурожайных районов [Постановление ..., 1922]. В данном постановлении, как и в аналогичных, не содержалось точных норм, регулирующих правоотношения, возникающие между продорганами и сельским населением. Выполнение 100 % сбора продналога обеспечивалось за счет применения репрессивных мер [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 503, л. 11, 25]. В результате этого деятельность продорганов отличалась беззаконием и произволом, что неизбежно провоци-

ровало конфликт. Согласно докладом на VI областной партийной конференции (16—18 декабря 1923 года), административные меры воздействия в регионе были применены к 8 000 чел., к суду привлечены 2 720 чел. На той же конференции местным партиям пришлось констатировать, что продовольственная политика в Кубано-Черноморье легла на плечи сельского населения гораздо более тяжелым бременем, чем продразверстка, что сказалось напрямую на сельскохозяйственной деятельности: казаки и крестьяне стали отказываться от земельных наделов [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 296, л. 152, 164].

Значимость этого периода для юга России и в целом страны заключается в том, что открытый протест трансформировался в пассивное сопротивление, продолжавшееся до 1930-х годов. Для большевиков активное использование методов политики военного коммунизма в условиях различных кризисов и реформ стало основным содержанием внутренней политики. Важная роль в этом механизме на Кубани отводилась возрождающимся ревкомам, продовольственным отрядам и продовольственным органам. Их деятельность по-прежнему выступала стимулятором формирования антиправительственных настроений сельского населения. Продовольственный вопрос в конфликте между властью и сельским населением Кубано-Черноморской области в начале 1920-х сохранял свою актуальность. Большевики вынуждены были и в последующем постоянно оказывать силовое давление на казаков и крестьян для выполнения плана продналога.

4. Заключение = Conclusions

Взаимоотношения советской власти и сельского населения Советской России в начале 1920-х годов вызывают объективный научный интерес у современных исследователей. Это обусловлено историческим опытом решения кризисных вопросов в переходный период и в условиях сложных экономических и политических кризисов. Для Кубани и Черноморья он приобретает региональные особенности. Окончание Гражданской войны не завершилось установлением на юге России прочного мира. Продразвёрстка как временная мера военного времени, так считали большевики, получила продолжение в регионе в крайних её формах. Репрессии со стороны советской власти по отношению сельскому населению Кубани были вызваны отказом от добровольной сдачи излишков продовольствия, которых объективно не было. Безальтернативная продовольственная политика РКП (б) с активным применением силовых методов в 1920—1922 годах стала причиной активного сопротивления советской власти.

До 1923 года в основных хлебопроизводящих регионах юга России крестьяне и казаки продолжали сопротивляться. Бело-зелёные отряды ста-

ли неотъемлемой частью южнороссийской действительности. В этих условиях необходимо было разработать новую линию по отношению к крестьянству и казачеству. На региональном уровне оно приобретало свои особенности в зависимости от состояния индивидуальных крестьянских и казачьих хозяйств, степени вовлечённости в Гражданскую войну, национального, социального и сословного состава населения.

Структуры РКП (б) и советских органов власти на местах не были укомплектованы подготовленными кадрами. Их практическая деятельность по сбору продналога была сведена к насильственной реквизиции продовольствия. Переход к продналогу не принёс принципиальных изменений в практике партячеек и советов, а привёл к расширению повстанческого движения. Это породило рецидивы военного коммунизма: отказ от итогов выборов в сельские советы, возрождение ревкомов, усиление репрессий и внесудебных решений.

Переход от продразвёрстки к продналогу для Кубано-Черноморской области затянулся из-за продолжавшегося противостояния с сельским населением и рецидивов военного коммунизма. Особенностью регионального конфликта в начале 1920-х годов было сочетание сословных и классовых противоречий в кубанской станице.

Но при этом коммунисты были главным инициаторами преобразований. В начале 1920-х годов РКП (б) на фоне нарастающего экономического и политического кризиса вынуждена была перейти к новой модели взаимоотношения с сельским населением, которая весь последующий период трансформировалась в зависимости от складывающейся политической ситуации.

Реалистично оценив экономические и политические ожидания казаков и крестьян области, большевики смогли достичь временного компромисса.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. ГАКК — *Государственный архив Краснодарского края*. Ф. Р-102 (Отдел управления Кубано-Черноморского облисполкома). Оп. 1. Д. 32. Л. 168, 263 ; Д. 138. Л. 24, 34—37 ; Д. 153. Л. 71 об. ; Д. 173. Л. 1, 14, 22 ; Д. 239. Л. 13 ; Ф. Р-158 (Кубано-Черноморский областной революционный комитет). Оп. 1. Д. 3. Л. 47 об. ; Д. 15. Л. 5 ; Д. 32. Л. 26 ; Ф. Р-382 (Славянский отдельский отдел управления). Оп. 1. Д. 244. Л. 140, 168 ; Д. 431. Л. 2 ; Д. 503. Л. 11, 25 ; Д. 606. Л. 150 ; Ф. Р-581 (Исполнительный комитет Приморско-Ахтарского городского и волостного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов). Оп. 1. Д. 71. Л. 33 ; Ф. Р-649 (Ейский отдельский

революционный комитет). Оп. 1. Д. 10. Л. 1 ; Ф. Р-990 (Кубано-Черноморская областная рабоче-крестьянская инспекция исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов). Оп. 2. Д. 171. Л. 1 ; Д. 549. Л. 64.

2. Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — Москва: Политиздат, 1977. — Т. 40. — С. 166—187.

3. Микоян А. И. В начале двадцатых... / А. И. Микоян. — Москва: Политиздат, 1975. — 383 с.

4. О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях: Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров от 18 ноября 1920 г. // Декреты Советской власти. — Москва: Политиздат, 1983. — Т. XI. Октябрь — ноябрь 1920 г. — С. 234—236.

5. О предоставлении Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими: Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов от 9 мая (26 апреля) 1918 г. // Сборник узаконений, постановлений и распоряжений по продовольственному делу (общего характера), вышедших в период времени с 1 августа 1917 года по 15 июля 1918 года. — Москва: [б. и.], 1918. — С. 203—206.

6. Постановление Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета от 3 февраля 1922 г. № 59 // Красное знамя: [газета]. — 1922. — 4 февраля. — № 27.

7. РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 64 (Кавказское областное бюро РКП(б) — ВКП(б)). Оп. 1. Д. 96. Л. 136.

8. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД: Документы и материалы 1918—1939. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. — Москва: РОССПЭН, 1998. — Т. 1. — 864 с.

9. ЦДНИКК — Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1 (Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б)). Оп. 1. Д. 49. Л. 2 ; Д. 293. Л. 102 ; Д. 296. Л. 152, 164 ; Д. 355. Л. 29 ; Ф. 17 (Краснодарский отдельский комитет РКП(б)). Оп. 1. Д. 20. Л. 17 ; Ф. 160 (Тимашевский отдельский партийный комитет РКП(б)). Оп. 1 доп. Д. 19. Л. 1.

10. Яхутль Ю. А. Кубано-Черноморская область в условиях противостояния власти и сельского населения (1920—1924 гг.). Документы и материалы / Ю. А. Яхутль. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. — 436 с. — ISBN 978-5-8209-2214-5.

11. Яхутль Ю. А. Кубань и Черноморье в 1920—1922 гг.: от военного коммунизма к новой экономической политике. Документы и материалы / Ю. А. Яхутль. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. — 409 с. — ISBN 978-5-8209-2290-9.

Литература

1. Бабурин Д. С. Наркомпрод в первые годы Советской власти. 1917—1924 гг. / Д. С. Бабурин // Исторические записки. — Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957. — Т. 61. — С. 333—369.

2. Баранов А. В. Переход от «военного коммунизма» к нэпу в казачьих областях Юга России: особенности взаимодействия власти и сельского населения / А. В. Баранов, Ю. А. Яхутль // Новейшая история России. — 2022. — Т. 12. — № 2. — С. 276—287. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.201.

3. *Большаков А. М.* Советская деревня за 1917—1924 гг. Экономика и быт / А. М. Большаков. — Ленинград: Прибой, 1924. — 172 с.
4. *Генкина Э. Б.* Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922) / Э. Б. Генкина. — Москва: Госполитиздат, 1954. — 504 с.
5. *Гладков И. А.* Очерки советской экономики. 1917—1920 гг. / И. А. Гладков. — Москва: Госполитиздат, 1956. — 503 с.
6. *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933 / А. Грациози ; Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. — Москва: РОССПЭН, 2008. — 135 с.
7. *Давыдов М. И.* Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны / М. И. Давыдов. — Москва: Мысль, 1971. — 221 с.
8. *Дмитренко В. П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры / В. П. Дмитренко ; отв. ред. Ю. А. Поляков ; АН СССР, Ин-т истории СССР. — Москва: Наука, 1986. — 252 с.
9. *Дэвис Р. У.* Советская экономическая реформа в исторической перспективе / Р. У. Дэвис // НЭП: приобретения и потери. — Москва: Наука, 1994. — С. 7—26.
10. *Ильиных В. А.* Хроники хлебного фронта: заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири / В. А. Ильиных. — Москва: РОССПЭН, 2010. — 342 с. — ISBN 978-5-8243-1406-9.
11. *Кактынь А.* Новая экономическая политика и «ножницы» (очередные задачи экономической политики) / А. Кактынь. — Москва: Красная новь, 1924. — 130 с.
12. *Клейнер И. М.* Действительность кубанской станицы / И. М. Клейнер. — Краснодар: Буревестник, 1924. — 122 с.
13. *Крестьянство* и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект / редкол. : В. В. Кондрашин, В. А. Юрчёнков. — Москва ; Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. — 1048 с.
14. *От капитализма к социализму: основные проблемы переходного периода в СССР. 1917—1937 гг.* В 2 т. Развернутое строительство социализма в СССР 1929—1937 гг. / под ред. Ю. А. Полякова. — Москва: Наука, 1981. — Т. 2. — 440 с.
15. *Перехов Я. А.* Об аграрных преобразованиях на Дону и Кубани в первые годы социалистического строительства (1920—1925 гг.) / Я. А. Перехов // Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы науч. конф. 9—12 июня 1969 г. — Москва: Наука, 1971. — С. 45—48.
16. *Поляков Ю. А.* Социально-экономические итоги аграрных преобразований Октябрьской революции (1917—1920 гг.): Материал для обсуждения на Сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР / Ю. А. Поляков ; Ин-т истории Акад. наук СССР. Науч. совет по проблеме «История соц. и ком. строительства в СССР». — Москва: [б. и.], 1961. — 71 с.
17. *Попова Г. А.* Борьба большевистских организаций Юго-Востока за восстановление народного хозяйства и укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством в 1921—1925 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук / Г. А. Попова. — Москва, 1950. — 316 с.
18. *Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы науч. конф. 9—12 июня 1969 г.* / отв. ред. М. П. Ким. — Москва: Наука, 1971. — 367 с.
19. *Ратушняк В. Н.* Развитие сельского хозяйства на Кубани в пореформенное время (1861—1914 гг.) / В. Н. Ратушняк // Голос минувшего. — 2015. — № 3—4. — С. 32—43.

20. *Рогалина Н. Л.* Нэп как реформа (Аграрный аспект) / Н. Л. Рогалина // Нэп в контексте исторического развития России XX века: сборник статей / отв. ред. А. К. Соколов. — Москва: Ин-т рос. истории, 2001. — С. 221—237. — ISBN 5-8055-0077-9.
21. *Скобцов Д. Е.* Три года революции и гражданской войны на Кубани / Д. Е. Скобцов. — Москва: Кучково поле, 2015. — 542 с.
22. *Трифонов И. Я.* Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921—1937) / И. Я. Трифонов. — Москва: Госполитиздат, 1960. — 279 с.
23. *Чермак Л. К.* Основные черты развития сельского хозяйства на Юго-Востоке России / Л. К. Чермак // Экономическое районирование Юго-Востока России. — Москва: Статиздат, 1923. — Выпуск 1. — С. 64—80.
24. *Щетнёв В. Е.* Классовая борьба и осуществление первых земельных и продовольственных мероприятий Советской власти на Кубани / В. Е. Щетнёв // Аграрная история Дона и Северного Кавказа. — Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1980. — С. 40—57.
25. *Яхутль Ю. А.* Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921—1929 гг. (на примере Кубани и Дона) / Ю. А. Яхутль. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. — 361 с.

*Статья поступила в редакцию 17.01.2025,
одобрена после рецензирования 08.04.2025,
подготовлена к публикации 22.06.2025.*

Material resources

- Belovich, A. (ed.). (1998). *The Soviet village through the eyes of the CHEKA — OGPU — NKVD: Documents and materials 1918—1939. In 4 volumes, 1.* Moscow: ROSSPEN. 864 p. (In Russ.).
- CDNIKK — *Documentation Center for the modern history of the Krasnodar Territory.* (In Russ.).
- GAKK — *The State Archive of the Krasnodar Territory. F. R-102 (Department of Management of the Kuban-Black Sea Regional Executive Committee). (Kuban-Black Sea Regional Revolutionary Committee). (Slavyansk separate management department). (Executive Committee of the Primorsko-Akhtarsky city and Volost Council of Workers, Peasants, Red Army and Cossack Deputies). (Yeisk Separate Revolutionary Committee). (Kuban-Black Sea Regional Workers' and Peasants' Inspection of the Executive Committee of the Kuban-Black Sea Regional Council of Workers, Peasants, Red Army, Cossack and Mountain deputies).* (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1977). Report at the I All-Russian Congress of Labor Cossacks on March 1, 1920. In: *Complete works*, 40. Moscow: Politizdat. 166—187. (In Russ.).
- Mikoyan, A. I. (1975). *In the early twenties...* Moscow: Politizdat Publ. 383 p. (In Russ.).
- On granting the People's Commissar of Food extraordinary powers to combat the rural bourgeoisie, which harbors grain stocks and speculates in them: Decree of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets of Workers, Soldiers, Peasants and Cossacks Deputies of May 9 (April 26) 1918. (1918). In: *Collection of laws, resolutions and orders on food business (general character), published between August 1, 1917 and July 15, 1918.* Moscow: [b. i.]. 203—206. (In Russ.).
- On land use and land management in the former Cossack regions: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of No-

- vember 18, 1920. (1983). In: *Decrees of Soviet power, XI*. Moscow: Politizdat Publ. 234—236. (In Russ.).
- Resolution № 59 of the Kuban-Black Sea Regional Executive Committee dated February 3, 1922. (1922). *Krasnoe znamya: [newspaper]*, 27. February 4. (In Russ.).
- RGASPI — Russian State Archive of Socio-political History. F. 64 (Caucasian Regional Bureau of the Russian Communist Party(b). VKP(b)). Op. 1. D. 96. L. 136. (In Russ.).
- Yahutl, Yu. A. (2023). *Kuban and the Black Sea region in 1920—1922: from war communism to a new economic policy. Documents and materials*. Krasnodar: Kuban State University. 409 p. ISBN 978-5-8209-2290-9. (In Russ.).
- Yakhutl, Yu. A. (2022). *The Kuban-Black Sea region in the conditions of confrontation between the government and the rural population (1920—1924). Documents and materials*. Krasnodar: Kuban State University. 436 p. ISBN 978-5-8209-2214-5. (In Russ.).

References

- Baburin, D. S. (1957). Narkomprod in the early years of Soviet power. 1917—1924. In: *Historical notes*, 6. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 333—369. (In Russ.).
- Baranov, A. V., Yahutl, Yu. A. (2022). Transition from “war communism” to the New Economic Policy in the Cossack regions of Southern Russia: features of interaction between government and rural population. *Modern History of Russia*, 12 (2): 276—287. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.201. (In Russ.).
- Bolshakov, A. M. (1924). *The Soviet village in 1917—1924. Economics and everyday life*. Leningrad: Priboy Publ. 172 p. (In Russ.).
- Chermak, L. K. (1923). The main features of agricultural development in the South-East of Russia. In: *Economic zoning of the South-East of Russia*, 1. Moscow: Statistat. 64—80. (In Russ.).
- Davis, R. U. (1994). Soviet economic reform in historical perspective. In: *NEP: gains and losses*. Moscow: Nauka Publ. 7—26. (In Russ.).
- Davydov, M. I. (1971). *The struggle for bread. The food policy of the Communist Party and the Soviet State during the Civil War*. Moscow: Mysl Publ. 221 p. (In Russ.).
- Dmitrenko, V. P. (1986). *Soviet economic policy in the early years of the proletarian dictatorship*. Moscow: Nauka Publ. 252 p. (In Russ.).
- Genkina, E. B. (1954). *The transition of the Soviet state to a new economic policy (1921—1922)*. Moscow: Gospolitizdat. 504 p. (In Russ.).
- Gladkov, I. A. (1956). *Essays on the Soviet economy. 1917—1920*. Moscow: Gospolitizdat. 503 p. (In Russ.).
- Graziosi, A. (2008). *The Great Peasant War in the USSR. The Bolsheviks and the peasants. 1917—1933*. Moscow: ROSSPEN. 135 p. (In Russ.).
- Ilinykh, V. A. (2010). *Chronicles of the grain front: procurement campaigns of the late 1920s in Siberia*. Moscow: ROSSPEN. 342 p. ISBN 978-5-8243-1406-9. (In Russ.).
- Kaktyn, A. (1924). *New Economic Policy and scissors (the next tasks of economic policy)*. Moscow: Krasnaya Nov. 130 p. (In Russ.).
- Kim, M. P. (ed.). (1971). *Problems of the agrarian history of Soviet society: Materials of the scientific conference on June 9—12, 1969*. Moscow: Nauka. 367 p. (In Russ.).
- Kleiner, I. M. (1924). *The reality of the Kuban village*. Krasnodar: Burevestnik Publ. 122 p. (In Russ.).

- Kondrashin, V. V. (ed.). (2017). *The peasantry and the Cossacks of Russia in the conditions of the 1917 revolution and the Civil War: a national and regional aspect*. Moscow; Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 1048 p. (In Russ.).
- Perekhov, Ya. A. (1971). On agrarian transformations on the Don and Kuban in the early years of socialist construction (1920—1925). In: *Problems of the agrarian history of Soviet society: Proceedings of the scientific conference on June 9—12, 1969*. Moscow: Nauka. 45—48. (In Russ.).
- Polyakov, Yu. A. (1961). *Socio-economic results of the agrarian transformations of the October Revolution (1917—1920): Material for discussion at the Session on the history of the Soviet peasantry and collective farm construction in the USSR*. Moscow: [b. i.]. 71 p. (In Russ.).
- Polyakov, Yu. A. (ed.). (1981). *From capitalism to socialism: the main problems of the transition period in the USSR. 1917—1937. In 2 volumes. The extensive construction of socialism in the USSR 1929—1937, 2*. Moscow: Nauka Publ. 440 p. (In Russ.).
- Popova, G. A. (1950). *The struggle of the Bolshevik organizations of the South-East for the restoration of the national economy and the strengthening of the alliance of the working class with the working peasantry in 1921—1925*. PhD Diss. Moscow. 316 p. (In Russ.).
- Ratushnyak, V. N. (2015). Development of agriculture in the Kuban in the post-reform period (1861—1914). *Voice of the past*, 3—4: 32—43. (In Russ.).
- Rogalina, N. L. (2001). Nep as a reform (Agrarian aspect). In: *Nep in the context of the historical development of Russia in the twentieth century: a collection of articles*. Moscow: Institute of Russian History. 221—237. ISBN 5-8055-0077-9. (In Russ.).
- Shchetnev, V. E. (1980). The class struggle and the implementation of the first land and food measures of the Soviet government in the Kuban. In: *Agrarian History of the Don and the North Caucasus*. Rostov-on-Don: Rostov University Press. 40—57. (In Russ.).
- Skobtsov, D. E. (2015). *Three years of revolution and civil war in the Kuban*. Moscow: Kuchkovo Pole Publ. 542 p. (In Russ.).
- Trifonov, I. Ya. (1960). *Essays on the history of the class struggle in the USSR during the NEP (1921—1937)*. Moscow: Gospolitizdat. 279 p. (In Russ.).
- Yakhutl, Yu. A. (2021). *Transformation of relations between the government and the Cossacks and the peasantry in Soviet Russia 1921—1929. (on the example of Kuban and the Don)*. Krasnodar: Kuban State University. 361 p. (In Russ.).

*The article was submitted 17.01.2025;
approved after reviewing 08.04.2025;
accepted for publication 22.06.2025.*